

УДК 94, 297, 323.28
DOI 10.52452/19931778_2022_4_51

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ В ПРОПАГАНДЕ РАДИКАЛЬНЫХ ИСЛАМИСТОВ

© 2022 г.

А.Р. Сулейменов, И.В. Рыжов

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

andrey_sul@mail.ru

Поступила в редакцию 01.08.2022

Анализируются практики конструирования пространства, характерные для пропаганды радикального исламизма. Исходя из предположения о мифологической природе идеологии джихадистов (хадис о Дабике, распространяемые джихадистской пропагандой материалы о глобальном заговоре против мусульман), авторы данной статьи считают возможным утверждать наличие особых черт пространственного измерения, присущего джихадистской пропаганде и исламистскому мировосприятию. Авторы выявляют наиболее яркие черты, присущие категории пространства радикального исламизма: четкое разделение на категории сакрального/профанного и неразрывная связь «чужого» пространства с образом врага, ряд географических маркеров, обрамляющих пространство радикального исламизма. Также выявляются приемы конструирования сакральных пространств радикального исламизма: убеждение в необходимости совершения мистического путешествия-трансформации, противопоставление Дуньи и Ахирата, создание виртуальных пространств воображения. На примере исследования практик конструирования пространств нескольких акторов радикального исламизма делается вывод о сложении определенного канона пространственно-временной картины мира радикального исламизма.

Ключевые слова: исламизм, джихадизм, сакральное пространство, радикализм.

Введение

Стремительный научно-технический прогресс, развитие теорий социального управления и рационализация современного глобализованного мира в значительной степени вытеснили на периферию общественного и политического сознания модели государственного строительства, ориентированные на религиозные структуры. Принцип рациональности, неоднократно провозглашенный основой общественного строительства, уделял религиозным проектам лишь маргинальное место на обочине магистрального потока глобализации. Тем не менее события конца XX и начала XXI века показали жизнеспособность религиозных сил и их способность к строительству полноценных государств. Ставший рубежным 1979 год запустил цепь революционных событий по всему исламскому миру, положив начало реанимации проекта государства, основанного на религиозном мандате. Движение «Галибан»¹ дважды за 30 лет, прошедших с вывода советских войск из Афганистана, захватывало власть в стране, провозглашая коранические догмы единственным принципом государственного строительства. Однако ни руководство Исламской Республики Иран (за исключением весьма недолговечного периода послереволюционной эйфории), ни таджики не ставили амбициозной задачи экспансии

религии и государства вовне, не претендуя на разрушение сложившегося еще в XVII веке принципа суверенности государства.

Религиозный проект иного плана, направленный на бескомпромиссное противостояние со всем внешним миром, был предложен МТО «Исламское государство»². Традиционные акторы международных отношений функционируют в рамках четких пространственно-временных координат: астрономическое время отмеряет хронологические границы межгосударственных договоренностей, географические координаты обозначают пределы суверенной власти государства над конкретной территорией. В то же время «Халифат», в период квазигосударственной стадии своего развития, существовал в принципиально ином пространственно-временном континууме. Основываясь на пророческих хадисах, пропаганда исламистов не только помещала себя ближе к концу временной шкалы существования мира, но и позиционировала действия своих сторонников как активатор окончания времен и начала Армагеддона. Отрицая принцип межгосударственных границ (и демонстративно уничтожая их), террористы провозглашали бесконечную экспансию, безграничное расширение пространства «Даули» (самоназвание организации).

Вместе с тем джихадистская пропаганда приложила значительные усилия в направлении

легитимации организации именно как традиционного государства со всеми его атрибутами. Специфичность предмета исследования (так, пропаганда исламистов сочетает средневековые черты с современным медиаинструментарием, апеллируя к кораническим текстам с использованием современных приемов пропаганды и ведением боевых действий) ставит перед исследователем вопрос: в каком темпоральном и пространственном режиме функционируют организации радикального исламизма, и «Исламское государство» в частности?

Исходя из предположения о мифологической природе идеологии джихадистов (хадис о Даби-ке, распространяемые джихадистской пропагандой материалы о глобальном заговоре против мусульман), авторы данной статьи считают возможным утверждать наличие особых черт пространственного измерения, присущего джихадистской пропаганде и исламистскому мировосприятию.

В более широком контексте изучение пространственно-временных характеристик джихадистской организации и джихадистского нарратива в целом способно ответить на ряд значимых вопросов:

1. Какие инструменты конструирования макрополитической идентичности используются в джихадистской пропаганде?
2. Какие исторические (мифические) события встраиваются в джихадистский нарратив?
3. Каким образом радикальные исламисты встраивают легитимацию своих структур?
4. Как соотносятся пространственный и временной компоненты радикальной пропаганды?

Ответ на данные вопросы означает понимание символической картины радикального исламизма и возможность эффективного противодействия ей. Однако в рамках данного исследования невозможно дать ответы на все обозначенные вопросы, в силу чего авторы предпочитают фокусироваться лишь на анализе пространственного компонента пропаганды как на одном из смыслообразующих детерминантов джихадистского дискурса.

Полагаем, что характеристики пространственной категории агитации радикальных исламистов прежде всего обусловлены религиозным мировоззрением авторов пропагандистских материалов. Исходя из этого предположения, авторы статьи задаются целью рассмотрения сакрального компонента в топологии пространства современного исламизма.

Категория сакрального пространства рассматривается нами прежде всего в контексте исследования сакрального М. Элиаде. На этом фоне очевиден творческий процесс конструиро-

вания сакрального пространства, производимый авторами джихадистской пропаганды. Данное обстоятельство сближает исследование с методами иеротопии, изучения создания сакральных пространств.

Первоначально изучая византийско-древнерусскую традицию конструирования религиозных пространств, иеротопия в ее современном виде применима к самым различным вопросам конструирования сакральных пространств: от древнеегипетской мифологии до русской литературы XIX века. Методы сравнительной иеротопии применимы не только к изучению топографии сакрального и монументальных физических памятников, но и к литературным текстам: в частности, исследование К. Бланк посвящено организации сакрального пространства в творчестве Толстого и Достоевского [1, с. 323]. Пространственное измерение – важнейший компонент литературных текстов: как продемонстрировал Ю.М. Лотман, географические координаты в значительной степени конструируют мировосприятие религиозного человека [2, с. 255–265].

Проблематика географии сакрального применительно к радикальному исламизму обозначена в статье Т. Хавемана. Пространство исламизма неразрывно связано с джихадом, который, в представлении автора, можно разделить на локализованные в пределах одной страны национальные движения («Талибан»), и глобальную экспансию вовне, без привязки к конкретной территории. Таким образом, сакральное пространство радикального исламизма включает в себя не только психологические и социальные конструкции, но и политические элементы [3]. Пространство экспансии представляется Т. Хавеману главным фактором отличия глобального джихада от региональных исламистских движений.

Концепция сакральной географии, предложенная Хайденрайхом, предполагает наличие сакрального центра (Кааба), знаковые священные места, нуждающиеся в защите от посягательств неверующих, а также «места страданий» мусульман, которые должны быть возвращены в будущую глобальную мусульманскую умму [4].

Соглашаясь с автором в необходимости ядра, положенного в основу сакрального пространства, считаем вовсе необязательным универсальность данного сакрального центра для всех сторонников радикального исламизма. Несмотря на то, что Кааба и священные города, бесспорно, занимают важное место в религиозной картине мира, пропаганда современных радикальных исламистов во многом сдвигает акцент на иные географические точки. Как это

будет продемонстрировано в ходе исследования, гораздо большим значением для сторонников террористических организаций обладают иные географические локации, в частности небольшой город Дабик на севере Сирии.

То обстоятельство, что радикальные исламистские организации прилагают значительные усилия к формированию макрополитической идентичности своих сторонников, сближает исследование пространственной организации пропаганды с исследованиями национализма и коллективной памяти. Именно пространство является физическим маркером коллективной идентичности [5]: отношение членов группы к тому или иному набору географических координат как к «нашей/чужой», «дружественной/враждебной» земле закладывает фундамент коллективной идентичности.

Современный радикальный исламизм, вобрав в себя чрезвычайное множество течений различной степени экстремизма, так же оперирует сакральными пространствами. В данной статье рассматриваются некоторые черты организации пространства сакрального применительно к двум представителям радикального исламизма: террористической организации «Исламское государство»³ и российской части движения «Таблиги Джамаат»⁴, чья деятельность носит в большей степени характер мистических духовных поисков. Примечателен и тот факт, что сами таблиги всячески подчеркивают мирный характер своей организации и оппозиционность всем ваххабитским и радикальным движениям.

Хотя некоторые исследования [6, с. 589] указывают на способности таблигов переходить к насильственным действиям, в целом движение находится на другом полюсе радикального исламизма, предполагая преобразование мира путем не военного джихада, а духовного преображения мусульман. Полагаем, что сравнение пространственных топосов двух организаций, находящихся на противоположных спектрах современного исламизма, способно охарактеризовать топографию пространства, характерную для организаций современного радикального исламизма.

Источниковой базой исследования послужил ряд изданий «Исламского государства»: журналы *Dabiq*⁵, *Rumiya*⁶, а также русскоязычный журнал «Исток»⁷. Данные материалы распространяются в виде электронных файлов в интернет-пространстве. Выпуски журналов, как правило, обладают красочным и высокоуровневым визуальным оформлением, довольно высоко содержание материалов исключительно религиозного характера. Четыре номера журнала «Исток», имеющихся в нашем распоряжении,

частично являются переводом первых номеров журнала *Dabiq*, однако обладают и значительным компонентом оригинальных материалов.

Журнал «Дабик» является первым опытом «Исламского государства» в массивной печатной пропаганде, переводимой на различные мировые языки. Журнал назван в честь сирийского города Дабик, в окрестностях которого, согласно распространенным в исламистской среде пророческим хадисам, состоится апокалиптическое сражение между мусульманами и «римлянами». Утрата контроля над городом в 2016 году [7] вынудила медиааппарат исламистов перейти к выпуску второго издания, журнала «Румийя»⁸. Последний имеющийся в нашем распоряжении тринадцатый номер издания датирован месяцем Зу-аль-Хиджа 1438 года Хиджры (август–сентябрь 2017 г.). Название журнала отсылает к Риму, который в представлении джихадистов воплощает все враждебные исламу силы.

Среди русскоязычных журналов «Исламского государства» нам доступны издания: «Исток»⁹, *Hidaya* («Коршун») ¹⁰, *Furat.Press*¹¹. Несмотря на позиционирование себя в качестве «официальных» печатных органов исламистов, последние два издания выполнены на низком техническом и художественном уровне. Очевидно, подготовкой *Hidaya* (два первых номера датируются апрелем и июнем 2020 года, более журнал не выпускался) занималась группа сторонников исламистов, не имеющая каналов оперативной и достоверной информации от органов перешедшего на тот момент в формат подпольных ячеек «Исламского государства». Журнал *Furat.Press* (имеющийся в нашем распоряжении первый номер датирован месяцем Раджаб 1436 года Хиджры – апрель–май 2015 г.) выполнен на несколько более высоком уровне и содержит материалы, касающиеся непосредственно ближневосточного региона, однако также крайне уступает в качестве наполнения и верстки иным изданиям исламистов. Выдвинем предположение, что данное издание являлось «пробным камнем» перед запуском иного русскоязычного журнала, вошедшего в число наших источников, – журнала «Исток», доступного нам в количестве четырех выпусков. Первый выпуск также датирован Раджабом 1436 года и частично является переводом первого номера журнала «Дабик». Как становится ясно из первого номера, к ведению журнала причастна группа Абу Умара аш-Шишани (Тархана Батирашвили, уничтожен в июле 2016 года). Последующие номера «Истока» обладают в значительной мере той же организацией, что и журнал «Дабик», однако в большей мере фоку-

сируются на личных историях боевиков из группировки Батирашвили. Среди вышеперечисленных русскоязычных исламистских изданий именно «Исток» был выбран нами в качестве источника для исследования, т.к. доступен в наибольшем количестве выпусков и в равной степени отражает как позицию конкретной группировки исламистов, так и безличного «Исламского государства» в целом.

Вторым, не менее значимым, корпусом источников является продукция «неофициальной» пропаганды, стихийно создаваемой сторонниками исламистов. Пропагандистские материалы данной категории зачастую выполнены на гораздо более низком техническом уровне, но активно эксплуатируют культурные символы постсоветского пространства (в частности, парад Победы), за счет чего могут оказывать более сильное влияние, чем насыщенные трудной для восприятия религиозной лексикой материалы «официальной» пропаганды джихадистов.

Актор джихадистского нарратива и его географическое окружение

Будучи достаточно крупными организованными сообществами, и мистическое движение таблигов, и воинствующий экспансионизм «Исламского государства» столкнулись с необходимостью формирования собственных нарративов. В зависимости от степени гетерогенности, неоднородности социальной структуры задача создания собственной убедительной трактовки исторических событий приобретает все большую значимость. Активно развивавшийся в период 2014–2017 гг., экспансионистский проект «Исламского государства», декларируя свой панисламистский характер, действовал в крайне разнородной политической и социальной среде, весьма условно объединенной религиозной доктриной (следует признать крайнюю разнообразность региональных вариантов ислама). В условиях ожесточенного военного противостояния с однозначно превосходящими силами правительственных войск и международной коалиции, жесткой оппозиции всему мировому сообществу лишь успехи на поле идеологической и символической борьбы являлись залогом выживания «Исламского государства», как в характерном для периода активного развития формате институциональных квазигосударственных структур, так и в современном виде подпольных ячеек. В отличие от прямого военного столкновения, исход противостояния в котором заранее предreshен, на поле символической и идеологической борьбы структуры исламистов имеют гораздо больше шансов на победу. Одной из

основных задач, стоящих перед любым крупным сообществом, является формирование коллективной идентичности, которая складывается посредством трансляции собственного нарратива, сюжетно оформленного повествования, предполагающего связанную картину цепи исторических событий. Формирование общей памяти о прошлом (реальном или воображаемом) – важнейший инструмент консолидации общества. Однако символическая борьба ведется не только посредством трансляции объединяющего нарратива, но и с помощью широкого спектра невербальных средств [8]. Предлагаемая радикальными организациями трактовка исторического процесса, выборка определенных исторических событий оказывается неразрывно связанной с пространственным и географическим измерением.

Для средств исламистской пропаганды «Исламского государства» характерно тесное влечение событий настоящего времени в историческое повествование. Так, пропагандистские материалы исламистов периода активной экспансии (в особенности – самостоятельно изготовленные материалы сторонников радикального исламизма, не аффилированные с организацией) тяготеют к архаизации современности; на основе коранических текстов и хадисов значительное место уделяется выстраиванию преемственности между временами четырех праведных халифов и современным положением «Халифата». Как будет продемонстрировано в ходе исследования, специфическая мифологическая организация темпорального режима исламистов оказывает определяющее влияние на пространственную картину мира. В качестве развитой идеологической системы нарратив радикального исламизма во многом опирается на мифологические структуры. Включение мифологем в медийное послание позволяет задействовать не осознаваемые аудиторией информационные пласты [9, с. 275]. Структурирование пропагандистской реальности происходит с помощью двух важнейших компонентов: временного и пространственного.

Исследование пространственной организации, географического компонента джихадистской пропаганды не может осуществляться в отрыве от ее действующего лица, главного персонажа пропаганды. Зададимся вопросом: кто или что занимает центральное место в пропаганде радикальных исламистов? Изучение материалов радикальной пропаганды довольно быстро выведет нас на во многом стереотипный образ боевика. Выделим две категории актора джихадистской пропаганды с точки зрения отношения актора к окружающему пространству, а затем

проанализируем пространственное окружение, в котором помещен актер.

Тип 1. К данному, главенствующему, типу мы отнесем стереотипного сторонника радикальной организации. Транслируемый средствами пропаганды образ боевика характеризуется следующими чертами: активность и целеустремленность, готовность к действию и самопожертвованию. Жизненные обстоятельства, окружающие данный типаж, второстепенны: и в момент триумфа, и перед лицом смерти стереотипный боевик сохраняет твердость духа (а во втором случае все положительные черты готового к смерти боевика значительно возрастают) и уверенность в грядущей победе. Боевик данного типажа уже находится в сакральном пространстве – если не физически (территория «Халифата» и вооруженного противостояния), то духовно. Перемещение на сакральные пространства противостояния (land of Malahim) возвышает актора пропаганды, он уже не принадлежит полностью профанному пространству Дуньи.

Тип 2. Данная категория образов представляет скорее не самостоятельно действующего субъекта, но объект, точку приложения усилий со стороны окружающего мира. Этот типаж может быть выражен исламистом, только совершающим хиджру (переселение) на земли «Халифата», или же человеком, находящимся на территории «тагутского государства» и претерпевающим гонения с его стороны. Трансформация актора либо не началась, либо находится на начальном этапе. Однако и здесь исламист вырван из нормального пространства – его путешествие может совершаться как в привычном нам понимании (сам процесс переселения и физического бегства), так и быть помещенным в сакрализованные «пространства угнетения»: тюрьма, лагерь и т.д. Находясь во враждебном окружении, актер ментально совершает перемещение в пространстве, мысленно находясь со своими сторонниками на землях джихада. Сюжет мысленного единения с ведущими боевые действия сторонниками занимает важное место в обнаруженных нами лирических источниках джихадистского нарратива.

Крайне важными нам представляются характерные изобразительные черты образа боевика. Джихадистская пропаганда активно эксплуатирует стереотипный образ боевика, затянутого в черные одежды, с закрытым лицом. Полагаем, что данный своеобразный «канон» связан не только с обеспечением безопасности (опознать на видео и фотографии человека, практически полностью скрытого за черными одеяниями, довольно сложно), но и с возможностью ассоциации зрителя с изображенным персонажем пропаган-

ды. Деперсонафикация служит важной цели, обеспечивая возможность экстраполирования Я-образа читателя на изображаемого террориста.

Раз за разом джихадистская пропаганда предлагала читателю историю чудесного преобразования своих персонажей. Покидая родные страны, джихадисты совершают не только физическое перемещение, но и бегут из профанного мира в сакральный. Наиболее четко данное утверждение подтверждается обнаруженной нами «агиткой», изображающей авиабилет сторонника радикальной организации, пунктами отправки и прибытия в котором обозначены Дунья и Ахират. Помимо легко считываемых аллюзий на террористический акт 11 сентября (билет обозначен как «в один конец»), есть и еще один слой трактовки данного изображения: совершая перелет (с целью попасть на территории «Халифата» или использования самолета как орудия теракта), джихадист в буквальном смысле покидает пространство обыденного мира, перемещаясь в пространство мифа. Помещенное уточнение одностороннего характера перелета – свидетельство необратимой трансформации пассажира.

Джихадистская пропаганда оперировала бинарными оппозициями «Дунья–Ахират», «Дар аль-Ислам – джахилия (дар аль-харб)» (подробнее о данной дихотомии – в разделе «Топография сакрального»). Отметим следующую закономерность: для источников пропаганды, аффилированных с «Исламским государством», более характерен второй сюжет, противопоставление «территории ислама» и «территории невежества/войны», в то время как «неофициальные» источники пропаганды концентрируются на противопоставлении мистико-религиозного характера. Полагаем, что данное обстоятельство связано с возможностью вести активные действия и наличия подконтрольной территории (актуально на момент 2014–2018 гг.), в то время как «стихийная» пропаганда исходит от сторонников джихадистов, не имеющих возможности присоединиться к боевым действиям. В этом аспекте особый интерес представляют практики конструирования пространств венаходимости, «воображаемого Джихада».

Пространства венаходимости и перформативные ритуалы радикального исламизма

Важнейшей характеристикой организации пространства религиозного является его противопоставление мирскому. Отмеченная М. Элиаде дихотомия Космоса–Хаоса присутствует и в наблюдаемой нами картине радикального исла-

мизма. Пара «сакральное–мирское» проявляется в виде двух оппозиций: «Дунья–Ахират» и «Дар аль-Ислам – джахилийя». Пространство джахилийи (невежества) неупорядоченно, охвачено пороками и хаотично. Оно отдано на откуп силам тагута, идолопоклонников и в самой своей сути враждебно приверженцу таухида. Непригодность хаотического пространства светского мира для существования сторонника радикальной идеологии порождает практики венаходимости, бегства (реального или воображаемого) от мирского.

Помимо четкой дихотомии *Дунья–Ахират* картина мира радикального исламизма обладает особой категорией пространства венаходимости. Пропаганда радикального исламизма конструирует воображаемые пространства с помощью развитой сети массмедиа, однако не меньший интерес в плане изучения организации сакральных пространств воображения представляют группы квиетистского ислама, нацеленные на мирное и мистическое преображение самих себя и окружающего мира. Так, в социальных практиках организации таблигов, группы которой до недавнего времени действовали практически на всей территории России, центральное место отведено «сафару» (от ар. «путешествие») миссионерско-паломнического характера. Осуществляя сафар разной продолжительности (от двух до сорока дней), члены группы перемещаются не только в физическом пространстве, но и сакральном. Участники таких паломничеств отмечают иную природу пространства сафара, принципиально отличную от профанного пространства. Пространство паломничества представляется как территория порядка и гармонии: участники сафаров упоминают о особом состоянии душевного спокойствия, которое недостижимо в мирском существовании.

Несмотря на достаточно протяженные маршруты паломничеств, для перемещения в сакральное пространство сафара недостаточно лишь физического перемещения. На помощь участникам паломничества приходят перформативные ритуалы, видоизменяющие саму окружающую реальность. Важнейшим таким ритуалом является *зикр* – многократное повторение символа веры (шахады). Длительностью до нескольких минут, коллективное повторение шахады оформляет физическое перемещение участников группы, закрепляя мистическое озарение сафара. Сакральное пространство формируется не только посредством произнесения зикра, но и в ходе ночного итикафа – коллективного пребывания в мечети. Участники таких паломничеств по их окончании отмечают ду-

ховное преображение, «сладость» сафара и свое принципиально иное, отрешенное от всего мирского, состояние в ходе совершения поездки.

Отметим, что до недавнего времени для групп таблигов совершение таких поездок не представляло особенной сложности в силу наличия развитой организационной структуры и отсутствия в фокусе внимания правоохранительных органов. Участники движения, несмотря на незаконный характер организации, практически не считали необходимым соблюдение мер конспирации, а наблюдаемые нами попытки скрыть свою деятельность были очевидно неудачными. Открытость, тесное повседневное общение участников джамаата в значительной мере облегчало подготовку к паломническим поездкам. Переход в пространство венаходимости для групп таблигов не был сопряжен со значительными сложностями, в отличие от участников иных радикальных сообществ.

Если участники движения «Таблиги Джамаат»¹² все же способны на практике осуществить выход из профанного пространства, то многие из симпатизирующих «Исламскому государству» не способны на такой шаг в силу необходимости соблюдения конспирации, трудности создания полноценной организации и налаживания стабильных межличностных связей на больших расстояниях. Исследование практик организации пространства воображения сторонниками «Исламского государства», которые не способны покинуть регион проживания, требует проведения всестороннего социологического анализа виртуальных джамаатов, однако в наших силах дать обобщенный анализ пространственной организации мира абстрактного «джихадиста», основываясь на анализе оформления личных и публичных страниц в социальных сетях. С.А. Рагозина, исследуя интернет-пространство радикального исламизма Северного Кавказа, отмечает уникальность удаленной формы коммуникации для не имеющих легальной площадки сторонников радикального исламизма, что приводит к первичности дискурса над социальным действием [10, с. 87].

Действительно, наблюдается отрыв транслируемых исламистами посланий и реальной действительности. В качестве примера приведем телеграм-канал «Парламент ЧРИ», который имитирует деятельность правительства Чеченской республики Ичкерия в изгнании. Несмотря на свою очевидную полную виртуальность, упомянутый телеграм-канал все же имеет опору на реально существовавший прецедент контроля боевиков над частью территорий Северного Кавказа. В ином положении оказываются те сторонники радикальной идеологии, которые

не имеют возможности физически присутствовать на землях «джихада». Полагаем, что применительно именно к данной категории носителей радикальных взглядов возможно говорить о полноценных пространствах воображения. Попробуем найти аналоги упомянутых А. Юрчаком атрибутов пространств вневременности в виртуальной среде радикального исламизма. Позволим себе следующую аналогию: если сигаретные пачки, иностранные постеры и прослушивание западных радиостанций оформляли воображаемый Запад советского человека, то такую же функцию выполняют размещаемые на личных страницах нашиды, иллюстрации джихадистского или околоджихадистского характера и – важнейший элемент – многочисленные цитаты религиозных авторитетов.

Одним из наиболее частых сюжетов оформления личных страниц является противопоставление Дуньи и Ахирата. Профанное пространство Дуньи представлено как нестоящее внимания место временных страданий, предвещающее вознаграждение Ахирата. Частотность появления данного сюжета значительно уступает дихотомии «Дар аль-Ислам/джахилийя», столь характерной для пропагандистских материалов, исходящих непосредственно от «Исламского государства». Полагаем, что данное обстоятельство является следствием физической невозможности покинуть «пространство джахилийя» – сторонники радикального исламизма, не имеющие возможности выехать на джихад или подобно таблигам совершить сафар, вынуждены мигрировать в пространство воображаемого, заменяя физическое перемещение духовными трансформациями. Столь важная для любой мифологической системы идея пути, необходимая для преобразования персонажа пропаганды, приобретает характер исключительно духовно-виртуальных странствий.

Маркеры пространства радикального исламизма и топография сакрального

Пространство традиционного общества строится вокруг сакральных категорий, выполняющих роль «якорей», географически и символически оформляя реальность. Именно по такому принципу построено пространство средневековой Европы – географические ориентиры мира полны скрытых смыслов: алтари церквей ориентированы на символизирующий жизнь Восток, там же средневековые картографы помещают утраченный рай; география оказывается теснейшим образом связана с системой морали [11].

Важнейшим компонентом пространства религиозного человека является опорная точка, централизующая и оформляющая мироздание [12]. В исламской картине мироздания таким центром мира является Кааба. Образ Каабы в обилии встречается в материалах интернет-групп исламской (не исламистской) направленности, а также занимает важное место в исламистской символике. Однако, вопреки ожиданиям, в доступных нам джихадистских материалах «Исламского государства» образ Каабы встречается относительно редко. Роль *axis mundi*, опорного столпа мироздания, отведена иной локации – городу Дабик.

Дабик, небольшой город на северо-западе провинции Алеппо, играет чрезвычайно важную роль в организации пространства «Исламского государства». Джихадистская пропаганда и, в более широком смысле, идеология «ИГ»¹³ основана на хадисе о последней битве небольшого войска мусульман против войск «римлян», которая должна произойти именно вблизи Дабика. Данный город дал название первому периодическому изданию исламистов, распространяемому посредством интернет-сети.

Согласно хадису, гибель защитников города в неравном противостоянии является катализатором Армагеддона. Дабик централизует пространство глобального джихада: противостояние на отдаленных фронтах (Филиппины, Африка, Кавказ) является лишь обрамлением грядущего последнего сражения. Взятие города, а также пленение в его окрестностях представителей коалиции послужило причиной восторга в периодической печати джихадистов – «крестовосцы» появились в области Дабика, свидетельствуя об истинности пророчества. Тем не менее базирование на «пророческой методологии» (о чем не устают напоминать пропагандистские материалы) не означает неспособности исламистов к рациональным действиям. Так, силы исламистов не стали оборонять город, а оставили его практически без боя; утрата Дабика имела следствием лишь выход нового журнала под названием «Румийя»¹⁴.

Название нового издания отсылает нас к иному маркеру пространства пропаганды – Риму (Константинополю). В отличие от Дабика, Рим не наполнен эсхатологическим смыслом, но лишь обозначает направление грядущей экспансии. Если номинальная «столица» халифата, город Ракка, воплощала в себе идеальное государство времен праведных халифов, Дабик был обещанием грядущей победы, то Константинополь – символ «чужих» земель, цель предстоящей экспансии.

Совершая краткий обзор основных компонентов пространства пропаганды радикального исламизма, необходимо остановиться на противоположности сакральному пространству «Дар аль-Ислам» – «Дар аль-харб», территории войны. Земля неверия, как уже упоминалось нами ранее, является вторым компонентом бинарной оппозиции пространств, положенной в основу радикального исламизма. Территория джахилии, «невежества», не имеет четких границ и подвижна в зависимости от успехов/неудач исламистов. Пространство джахилии обладает следующими характеристиками:

- 1) хаос и неупорядоченность;
- 2) общая греховность образа жизни;
- 3) опасность не только для души «истинно верующего», но и угроза его физической безопасности.

В противопоставлении «Дар аль-Ислам» и «Дар-аль харб» четко прослеживается отмеченная Ю.М. Лотманом идея избранничества, вытекающая из оппозиции «святое–грешное/свое–чужое» [2]. Вне зависимости от этнорелигиозных характеристик или государственной принадлежности, все земли джахилии обладают значением греховности и не приспособлены для жизни верующего. Даже в случае принадлежности территории к исламскому миру ее «очищение» происходит только с переходом под контроль «Исламского государства».

Изменение нравственного статуса индивида связано с перемещением из пространства греховности в пространство святости. Сторонникам «Исламского государства» предписана реализация этого перехода посредством совершения хиджры, переселения на контролируемые боевиками территории. В той же ситуации последователи квиетистского ислама в виде «Таблиги Джамаат»¹⁵ не видят необходимости покидать территорию страны (пусть даже для переселения в духовный центр движения – г. Деобанди), но обретают святость посредством совершения длительного сафара.

Как правило, процесс перемещения, выход из профанного пространства связан со множеством лишений. Пространство джахилии не выпускает потенциального мухаджира (переселенца), предлагая ему множество соблазнов; участники сафара в своих поездках придерживаются простой диеты, как бы отказываясь от наслаждений Дуньи. Принцип аскетизма и самоограничения – неотъемлемая характеристика сакрального. Сознательно ограничивая себя в получении мирских удовольствий, индивидум совершает обмен профанных благ на эквивалентное количество сакральных [13, с. 159].

Необходимые лишения, которые должен претерпеть верующий в процессе выхода из профанного пространства, – залог успеха его духовной трансформации. Общим местом джихадистской пропаганды являются страдания верующего, вынужденного жить в «тагутском» обществе. Схожие настроения прослеживаются и в среде таблигов. В разговорах между собой участники сафаров упоминают постоянную тоску по поездкам, тяжесть существования в мире Дуньи.

Заключение

Подводя итоги краткому исследованию категории пространства в мировосприятии радикальных исламистов, можно утверждать о важнейшем компоненте *сакрального*, который занимает центральное место в организации пространства (реального или конструируемого) современного исламизма. Дихотомия сакральное–профанное пронизывает весь дискурс исламизма, демонстрируя одинаковый набор параметров для двух организаций, занимающих полярные места на шкале течений радикального исламизма.

Вне зависимости от приверженности организации идеям вооруженной борьбы, наличия или отсутствия экспансионистских планов, мирское пространство Дуньи мыслится как недостойное внимания, полное соблазнов и угроз верующему. Противовесом ему выступает сакральное пространство, воображаемое или реальное – в зависимости от возможностей конкретной организации и ее сторонников. Исламисты, способные осуществить физический переход в сакральное пространство, реализуют возможность путем совершения многодневных паломничеств либо совершением «хиджры» на подконтрольные боевикам территории. Основная же масса доступных для наблюдения сторонников «Исламского государства», не имея возможности или решительности для совершения переселения, конструирует своеобразные виртуальные пространства святости, должным образом оформляя свои страницы в социальных сетях.

Необходимым оформлением духовной трансформации актора джихадистской пропаганды, сторонника «Таблиги Джамаат»¹⁶ являются мирские лишения, принимающие форму страданий от греховности Дуньи, тюремного заключения (распространенный сюжет в русскоязычной исламистской пропаганде) или сознательной аскезы в ходе совершения сафара. В то же время отметим, что изучение пространственного компонента исламистской картины мира должно осуществляться в непрерывной связи с анализом ее временного измерения, ко-

торое, как мы полагаем, также обладает сакральными чертами.

Присущая современному глобализированному миру практически абсолютная информационная свобода индивида среди прочего обозначает утрату государством монополистического контроля над информационными потоками. Становится возможным появление несекулярных проектов общественного устройства: в эпоху множественности политических акторов ставится под вопрос существование секулярного государства как главенствующей формы организации социума. В противовес упорядоченным символическим пространствам, выстроенным институтами секулярного государства, возникают символические пространства альтернативных религиозных проектов. В условиях подавляющего экономического и военного превосходства «традиционных» государственных институтов именно трансляция собственной пространственно-временной картины мира становится залогом выживания разнообразных проектов радикального исламизма. Противостояние с государством на поле символических концептов – единственный вид противоборства, где альтернативные проекты общественного устройства имеют не только все шансы на победу, но зачастую и обладают определенным перевесом над секулярным государством. Полагаем, что к настоящему моменту уже сложился определенный канон пространственно-временной картины мира, исходящей от проанализированных нами радикальных организаций. Наиболее важным моментом представляется невозможность даже частичного включения исламистского нарратива в государственный в силу полной оппозиционности основополагающих составляющих исламистского нарратива.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-39-90017 «Символическое поле современного исламизма».

Примечания

1. Организация запрещена на территории Российской Федерации.
2. Организация запрещена на территории Российской Федерации.
3. Организация запрещена на территории Российской Федерации.
4. Организация запрещена на территории Российской Федерации.
5. Материалы издания запрещены на территории Российской Федерации.
6. Материалы издания запрещены на территории Российской Федерации.
7. Материалы издания запрещены на территории Российской Федерации.
8. Материалы издания запрещены на территории Российской Федерации.

9. Материалы издания запрещены на территории Российской Федерации.

10. Материалы издания запрещены на территории Российской Федерации.

11. Материалы издания запрещены на территории Российской Федерации.

12. Организация запрещена на территории Российской Федерации.

13. Организация запрещена на территории Российской Федерации.

14. Материалы издания запрещены на территории Российской Федерации.

15. Организация запрещена на территории Российской Федерации.

16. Организация запрещена на территории Российской Федерации.

Список литературы

1. Бланк К. Иеротопия Достоевского и Толстого // Иеротопия. Сравнительные исследования сакральных пространств / Сборник статей под ред. А.М. Лидова. М.: Индрик, 2009. С. 323–340.
2. Лотман Ю.М. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах // В кн.: Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 255–265.
3. Hawemann T. The Sacral Geography of Islamic Jihad. A compendium of selected case studies from around the globe. URL: https://bibliographie.uni-tuebingen.de/xmlui/bitstream/handle/10900/49985/pdf/20131118_publication_radical.pdf;sequence=1#page=61 (дата обращения: 10.08.2021).
4. Heidenreich E. Sakrale Geographie – Essay über den modernen Dschihad und seine Räume. Bielefeld, 2010.
5. Мейлахс П.А. Отдавая «родине» должное // Нева. 2011. № 3. URL: <https://magazines.gorky.media/neva/2011/3/otdavaya-rodine-dolzhnoe.html>
6. Пономарев И.В. Таблиги Джамаат и международный терроризм на Северном Кавказе // Исламские радикальные движения на политической карте современного мира. Вып. 2. Северный и Южный Кавказ / Институт Африки РАН. М., 2017. С. 579–596.
7. Апокалипсис не сегодня // Газета.RU. 19.10.2016. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2016/10/18_a_10257851.shtml (дата обращения: 14.10.2021).
8. Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 207 с.
9. Почепцов Г.Г. Психологические войны. М.: Рефл-бук, 2002. 528 с.
10. Рагозина С.А. Дискурс политического ислама (на примере интернет-пространства Северо-Восточного Кавказа) / Предисл. А.Л. Рябинина, Г. В. Лукьянова. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 144 с.
11. Воскобойников О.С. Тысячелетнее царство (300–1300). Очерк христианской культуры Запада. М.: НЛО, 2014. 568 с.
12. Элиаде М. Священное и мирское. М.: Изд-во МГУ, 1994. 144 с.
13. Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное. М.: Объединенное гуманитарное издательство, 2003. 296 с.

SPATIO-TEMPORAL CHARACTERISTICS IN THE PROPAGANDA OF RADICAL ISLAMISTS

A.R. Suleimenov, I.V. Ryzhov

The article analyzes the practice of constructing space, characteristic of the propaganda of radical Islamism. Based on the assumption about the mythological nature of the ideology of jihadists, the authors of this article consider it possible to assert the presence of special features of the spatial dimension inherent in jihadist propaganda and Islamist worldview. The authors identify the most striking features inherent in the category of the space of radical Islamism: a clear division into categories of sacred / profane and the inextricable connection of the out-space with the image of the enemy, and a number of geographic markers that frame the space of radical Islamism. The methods of constructing the sacred spaces of radical Islamism are also revealed: the conviction of the need for a mystical journey-transformation, the opposition of Dunya and Akhirat, the creation of virtual spaces of the imagination. On the example of the study of the practice of constructing the spaces of several actors of radical Islamism, a conclusion is made about the addition of a certain canon of the space-time picture of the world of radical Islamism.

Keywords: Islamism, jihadism, sacred space, radicalism.

References

1. Blank K. Hierotopia of Dostoevsky and Tolstoy // Hierotopia. Comparative studies of sacred spaces / Collection of articles edited by A.M. Lidov. M.: Indrik, 2009. P. 323–340.
2. Lotman Y.M. On the concept of geographical space in Russian medieval texts // In the book: Lotman Y.M. Inside thinking worlds. The human – text – semiosphere – history. M.: Languages of Russian culture, 1996. P. 255–265.
3. Hawemann T. The Sacral Geography of Islamic Jihad. A compendium of selected case studies from around the globe. URL: https://bibliographie.unituebin.gen.de/xmlui/bitstream/handle/10900/49985/pdf/20131118_publication_radial.pdf;sequence=1#page=61 (Date of access: 10.08.2021).
4. Heidenreich E. Sakrale Geographie – Essay über den modernen Dschihad und seine Räume. Bielefeld, 2010.
5. Meilakhs P.A. Paying tribute to the «motherland» // Neva. 2011. № 3. URL: <https://magazines.gorky.media/neva/2011/3/otdavaya-rodine-dolzhnoe.html>
6. Ponomarev I.V. Tablighi Jamaat and international terrorism in the North Caucasus // Islamic radical movements on the political map of the modern world. Vol. 2. North and South Caucasus / Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences. M., 2017. P. 579–596.
7. The Apocalypse is not today // Newspaper.RU. 19.10.2016. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2016/10/18_a_10257851.shtml (Date of access: 14.10.2021).
8. Malinova O.Y. The actual past: the symbolic politics of the ruling elite and the dilemmas of Russian identity. M.: Political Encyclopedia, 2015. 207 p.
9. Pocheptsov G.G. Psychological wars. M.: Refl-book, 2002. 528 p.
10. Ragozina S.A. The discourse of political Islam (on the example of the Internet space of the North-Eastern Caucasus) / Preface by A.L. Ryabinin, G.V. Lukyanov. M.: Book House «LIBROCOM», 2013. 144 p.
11. Voskoboynikov O.S. The Millennial Kingdom (300-1300). An essay on Christian culture of the West. M.: UFO, 2014. 568 p.
12. Eliade M. Sacred and secular. M.: Publishing House of Moscow State University, 1994. 144 p.
13. Kayua R. Myth and man. Man and the sacred. M.: United Humanitarian Publishing House, 2003. 296 p.